

А. С. Черкашина
«ПИРОГИ». ВРЕМЯ И ОБРАЗЫ

В 2010 г. В. Крупиной исполнилось 75 лет, в сентябре–октябре состоялась ее персональная выставка в ККХМ; в 2012 г. А. Пироженко (1932–1988) исполнилось бы 80 лет, в июне–декабре его персональная выставка состоялась в ККОМ.

*Меж океаном и землей –
 Не спор, не рознь, а единенье,
 Она и грань, и продолженье
 Стихии льющейся живой.*

В. Мельников. Родство стихий

Привычно бежит собачья упряжка, поскрипывает снег под полозьями нарты, да звонкий лай собак нарушает звенящую тишину, унося за горизонт одинокий силуэт каюра. Что влечет бесстрашную сильную духом женщину в это безмолвие заснеженной тундры?.. О чем думает Виктория Крупина, умело управляя лихой упряжкой... Быть может, здесь, над этой безмолвной белой долиной, словно каким-то непостижимым образом остановилось время, невластное над человеческой памятью, отправляя на свидание с прошлым. Этими тропами они когда-то шли вместе...

Скульпторов Викторину Крупину и Александра Пироженко (1932–1988) объединяло не только искусство – сама жизнь. Романтики, подвижники, они приехали с Украины, где создали ряд монументальных работ, и навсегда остались на Камчатке.

Север, взаимоотношения человека и природы, которые раскрываются через гармоническое слияние с нею, – стали основной темой их творчества. Они много лет прожили в Корякском национальном округе п. Палана. Именно это обстоятельство наложило свой особый неизгладимый след на созданные ими произведения, позволило создать уникальную галерею портретов людей нашего камчатского севера во всей их жизненной полноте и достоверности. Сразу и надолго запоминаются их герои – оленеводы, охотники, рыбаки, геологи, изыскатели, первопроходцы Камчатки, деятели культуры и искусства. Произведения В. Крупиной и А. Пироженко с успехом экспонировались на окружных, областных, краевых, зональных, республиканских, всесоюзных и всероссийских художественных выставках. Они поражают особым видением мира, глубиной, ярким образным воплощением замыслов, высоким профессионализмом.

Первое мое знакомство с В. Крупиной и А. Пироженко состоялось в 1978 г. в г. Петропавловске-Камчатском во время подготовки их персональной выставки. «Пирог» (как называли художников) тогда запаздывали с выездом из Паланы. Легко ли было им оторваться от работы, да к тому же оставить на месяц своих верных друзей – ездовых нартовых собак. Поэтому подготовка выставки проходила в очень небольшой промежуток времени, но на каком-то особом подъеме, деловито и оживленно.

Помню, как в один из январских дней, где-то к концу рабочего дня, в выставочный зал вошел бородатый богатырь в лохматой волчьей шапке с огромной, выше человеческого роста, ношей в руках, бережно обернутой в холсты. Это был Александр Пироженко. Заварили густой чай. По-знакомились. Александр Иванович аккуратно развернул пелены и, перед нами предстала во всем своем совершенстве «Расправляющая крылья» («Ника»), еще пахнущая свежим деревом, искусно вырезанная юная красавица. Александр Иванович пояснил: «Закончил буквально только что, с транспортировкой трудновато, да и груз особый, – поэтому на руках».

На другой день уже втроем – с Викторией Крупиной – его верной спутницей жизни, тоже скульптором, и Александром Ивановичем – мы много говорили о творчестве, об их совместной предстоящей выставке. Художники вспоминали, как начиналась и складывалась их творческая судьба, почему навсегда привязала Камчатка. И я была покорена удивительным гармоничным сочетанием двух натур, двух художников – неумной энергией и эмоциональной порывистостью, перемежающейся с веселым юмором и глубоким знанием дела, А. Пироженко и внешним спокойствием, необычайным обаянием и женственностью В. Крупиной – таких, казалось бы, разных, но цельных и безраздельно связанных общим делом.

Александр родился 6 августа 1932 г. в г. Днепропетровске в рабочей семье. Отец, Иван Степанович Пироженко (1907 г. р.) – слесарь, мастер по металлу, бригадир модельщиков, работал на

(военном) заводе № 125. Мать, Любовь Ивановна Пироженко (1911 г. р.), до войны работала воспитательницей в детском саду, затем была домохозяйкой. В годы войны семья эвакуировалась в г. Саратов, а в 1947 г. вернулись на Украину в Днепропетровск.

Виктория родилась 1 августа 1935 г. в с. Коренево Курской области. Отец, Виктор Герасимович Крупин (1908 г. р.), и мать, Екатерина Васильевна Крупина (1910 г. р.), в девичестве Стародубцева – по специальности инженеры черной металлургии. Брат Михаил окончил университет в г. Днепропетровске, работал инженером в научно-исследовательском институте. Во время войны семья находилась в эвакуации в г. Новокузнецке, а затем переехала в Днепропетровск.

Судьба свела их вместе в Днепропетровском художественном училище, которое они закончили почти одновременно. С особой теплотой художники вспоминают своих наставников – замечательных педагогов-художников М. С. Погребняка и М. Н. Панина – некогда ученика И. Е. Репина.

После окончания училища Виктория поступила в Киевский художественный институт на отделение живописи. Александр занялся монументальной скульптурой, поступив во Львовский художественный институт, а спустя два с половиной года также перевелся в Киевский институт. Здесь Виктория и Александр занимались в мастерской живописца народного художника СССР академика С. А. Григорьева и у В. Н. Костецкого, посещали скульптурный класс И. В. Макогона.

После института в 1961 г. вместе по распределению поехали в г. Житомир. В этом же году они становятся участниками областных художественных выставок. В ранних живописных работах («Маричка», «Отел» В. Крупиной, «Ясыр», «Чумак» А. Пироженко) преобладает гуцульская тематика.

С 1963 г. В. Крупина и А. Пироженко работали в мастерских Художественного фонда УССР в г. Ровно, где у них появилась возможность заняться монументальной скульптурой. В эти годы ими были созданы: монументальный рельеф, посвященный добровольному революционному полку, первому поднявшему восстание на Украине, мозаичная стела «Ровно – сердце партизанского края» и другие. Самой значительной работой этих лет стал архитектурно-скульптурный комплекс, посвященный памяти жертв фашизма на ул. Белой в г. Ровно, созданный А. Пироженко совместно со скульптором Б. Рычковым и архитектором А. Герасименко.

Еще в студенческие годы и после В. Крупина и А. Пироженко много путешествовали по Владимирской области, Средней Азии, Карпатам, были на Белом и Баренцевом морях. Молодые, жаждущие новых впечатлений и открытий (к тому же Александр активно занимался лыжным спортом и греблей, а у Виктории был третий разряд по конному спорту), им по нутру был дух странствий.

«А почему Камчатка? Наверное, все из-за нашей непоседливости и особой любви к путешествиям», – и художники вспоминали, как в 1965 г. они, груженные огромными рюкзаками, набитыми красками и холстами, отправились «покорять» Дальний Восток вместе с тульским художником Валентином Павловым, с которым еще со студенческих лет их связывала тесная дружба. С ними была еще белая с черными глазами лайка по кличке Бойка.

Сначала отправились на Северные Курилы, а затем на Камчатку. Полтора года прожили в пос. Тигиль, затем в Палане. В Палане они появились осенью 1965 г., когда тундра полыхала разноцветьем осенних красок. За неимением жилья поселились в одной из комнат Дома культуры. Много работали поначалу, в основном как живописцы и графики. В то время были написаны «Ведуньи» («Вулканологи»), «Говорит Москва» – В. Крупиной, «Курильские туманы», «Огнедышащая земля» – А. Пироженко, другие живописные работы и множество этюдов. Тогда же, в п. Палана (1966 г.), впервые состоялась окружная отчетная художественная выставка их работ. В местной газете «Корякский коммунист» отмечалось, что [художники] «... как-то сразу сумели подметить национальную самобытность нашего округа, национальный колорит вплетается в каждую картину» (1). Открыл успех – их персональную выставку по впечатлениям о Камчатке и Курилам в 1967 г. увидели жители г. Ровно и Львова.

Второй приезд В. Крупиной и А. Пироженко в 1968 г. примечателен участием их в этнографической экспедиции по северу Камчатки (п. Таловка – п. Манилы, вдоль Пенжинской губы до Парени и обратно) вместе с научным руководителем Ф. Тимохиной. Экспедиция выявляла народных мастериц, изучала особенности и взаимовлияние культур корякского и чукотского народов. Тогда же у художников впервые появилось желание связать свою судьбу с Камчаткой.

За первой и второй поездками на Камчатку состоялась третья (1970 г.). В конце концов, притяжение тундры оказалось сильнее. Камчатская земля уже не отпустила художников и стала им второй родиной. В 1977 г. они обменяли свою «ровнинскую» (в г. Ровно) квартиру на г. Петропавловск-Камчатский и поселились в п. Палана. В этом же году (1977) В. Крупина и А. Пироженко приняты в члены Союза художников СССР.

С годами они, как говорится, «вжились» и прочно «вросли» в эту суровую и прекрасную землю. А люди Севера стали главными героями их творчества. Именно здесь, на Камчатке, художники по-настоящему сформировались, нашли свое творческое лицо, создали свой неповторимый мир камчатского севера.

Не за славой приехали на далекий полуостров А. Пироженко и В. Крупина. Подвижность и творчество для них неотделимы, как и стремление испытать себя, свои творческие возможности. И если на Украине художники начинали как монументалисты, то на Камчатке такой возможности не было, и они отдали предпочтение станковой скульптуре. Сейчас стоит только удивляться мужеству и энтузиазму художников, которые при полном отсутствии специальной материальной базы, необходимой для этого вида творчества, создали в Палане ряд монументальных работ. Ими исполнены рельефы на многих зданиях Паланы, в том числе узла связи, окрисполкома, «Радуги-дуги» для детского сада «Рябинка» и др. Некоторые из названных работ выполнялись на общественных началах.

Они всегда и везде были вместе. Первое время подолгу пропадали в тундре – сначала с этюдниками, а потом, удивляя местных жителей, привозя какие-то немислимые, кряжистые, закрученные каповые «пни», заполняя ими двор рядом со своей небольшой квартирой. И вскоре из-под резца художников выходили характерные, узнаваемые образы односельчан.

С приобретением нартовых собак стало полегче – теперь было на чем возить капы, участились поездки в тундру, на ключи, Анадырку, в табуны к оленеводам и в с. Лесная, так полюбившееся художникам. А еще они выбрали для творчества красивое место в 25 км от Паланы на р. Анадырке и назвали его, любя, «наша хага». Сюда привычно уходили они, а зимой уезжали в нартовой упряжке от житейской суеты, отдавая творчеству.

На Камчатке В. Крупина и А. Пироженко открыли для себя удивительное скульптурное свойство каповых наростов камчатской березы. Виктория и Александр и раньше любили дерево, однако редко применяли его. Теперь же особые его качества – плотность, твердость, природная форма, текстура, цвет – на долгие годы покорили художников. Дерево стало для них одним из основных материалов в работе над станковой скульптурой. Уже по природе своей дерево обладает пластической формой. Появилась возможность использовать эту природную пластику. Но особенность творческого подхода к материалу у В. Крупиной и А. Пироженко заключается не только в угадывании в его формах образов будущих скульптур, а в активном к нему подходе. Материал пластикой своей помогает раскрытию замысла. Во многих произведениях они обрабатывали лишь часть дерева, другая часть своей природной формой гармонично входила в общую задумку композиции. В дереве А. Пироженко и В. Крупина создали уникальную галерею портретов северян и удивительные по пластике жанровые композиции. Среди них: «Йомек Кавав», «Чукча Нупеуге», «Дедушка Кечгинанав» – первый строитель поселка Воямполка, «Портрет знатного оленевода Кававы с сыном», «Девушка с аметистового берега» А. Пироженко, «Кирилл Аддуканов» – передовой пастух совхоза «Паланский», «Чаевка» (групповой портрет бригады оленевода Кихляпа Эвкюме), «Колыбельная Майи», «Борцы. Праздник Севера» В. Крупиной и др.

В портретах авторов привлекает не только этническое своеобразие, но прежде всего характер, а в жанровых композициях – особая неповторимая пластика движения северян.

«Судьба каждого человека, с кем нам приходилось встречаться и кого мы изображали, достойна целого рассказа, – говорит В. Крупина. – И люди здесь особые, добрые и мужественные. Такими их вырастила суровая природа, когда они с ней в своей повседневной жизни зачастую один на один. Но это мужество прямо не проявляется, оно прикрито природным чувством юмора».

За многие годы, живя среди местного населения, бывая в табунах, художники близко сошлись с людьми, узнали их труд, особенности северного быта и характеры людей. Они увидели, что тундра для северянина – это большой дом, со своим укладом жизни и традициями. А еще в своих наблюдениях художники отметили, что «людям нашего “оленного края”, – так с большим уважением называет их Виктория Крупина, – присущи особая “плавность и грация” в движениях, походке, в самом облике человека – лице, мимике, разговоре». А еще они отметили, что «в человеке присутствуют одновременно и своеобразная суровость, и мягкость». И каждый человек, чей портрет они создавали, «как бы вбирает в себя историю края».

Смелостью и силой характера покоряет портрет «Йомека Кававовича» (А. Пирожено) – знатного оленевода совхоза «Паланский», человека удивительной судьбы. Его лицо изуродовано в неравной схватке с медведем, но оно светится мудростью и добротой – добротой, присущей всему корякскому народу. И медвежьих лапы на портрете можно «прочитать» как часть головного убора – малахая, а можно и как дорогу судьбы, сопряженную со смертельной опасностью.

Яркие индивидуальные особенности конкретного человека, и, одновременно, создание этнического типажа-символа, человека высокого духа, противостоящего стихии, воплощены в портретах «Кирилл Аддуканов» А. Крупиной и «Чукча Нупеуге» А. Пироженко.

Притягательны лица северянок, в них за доброй полуулыбкой всегда скрыта какая-то потаенная грусть. Художники тонко раскрывают душевное состояние и настроение своих героинь – «Девушка с аметистового берега», «Портрет комсомолки Тамары Нутайме» А. Пироженко. Теплая, живая фактура дерева помогает подметить внешне сдержанную трепетность материнства в работе «Ожидание» А. Пироженко, приковывает взглядом, полным внутренней тревоги за ребенка, пронзительная корякская мадонна – «Колыбельная Майи» В. Крупиной. Прообразом для «Колыбельной» послужила Мария Нестерова.

Истинную красоту теплых душевных отношений в незатейливом сюжете из обыденной жизни потомственной семьи оленеводов передает «Чаевка» (групповой портрет бригады оленевода Кихляпа Эвкюме) В. Крупиной, выполненная из цельного массива каменной березы.

Словно оживает в старинном танце под древние мелодии бубна удивительно выразительная по пластике группа «На моршечной тундре» (совместная работа А. Пироженко и В. Крупиной). В этих простых непосредственных движениях словно сокрыт ключ к разгадке северного человека.

В. Крупина и А. Пироженко тонко чувствуют материал, мыслят в материале. Материал становится неотъемлемой частью созданных ими образов, превращается в средство художественной выразительности.

В своей работе художники помимо дерева успешно используют металл (отливку из бронзы), тонированную эпоксидную смолу, гипс. Большой интерес представляют портреты деятелей культуры Камчатки, среди них: писателя Р. Райгородецкого, искусствоведа М. Беловой, основателя ансамбля «Мэнго», заслуженного артиста РСФСР А. Гиля, «Автопортрет» – А. Пироженко и др.

Многие годы Александр Иванович работал над историческими портретами людей, чьи судьбы были связаны с Камчаткой.

«Камчатская земля особая, и вся она, кажется, дышит историей, – говорит В. Крупина, – и нам казалось тогда, точнее, мы переживали то взволнованное состояние, которое испытывает человек, впервые ступающий на необтованный берег. Конечно, многое изменилось за эти годы. Но это трепетное состояние осталось в наших работах».

На Камчатке у Александра Пироженко возникла задумка проследить историческую канву и воссоздать историю этой земли в образах.

Полон глубокой внутренней значимости портрет А. С. Пушкина, обратившего в последние годы жизни свой взор на Камчатку: вдохновенный взгляд исполнен внутренней сосредоточенности с оттенком грусти в лице. А. Пироженко создал его таким, каким чувствовал и любил его поэзию.

Особенно были близки ему по духу первопроходцы, художника интересовала эпоха Петра I. Еще со студенческих лет он проявлял большой интерес к истории и культуре этого периода, и когда судьба связала его с Камчаткой, этот интерес возрос с невероятной силой. Он создал замечательные портреты: «Семен Дежнев», «Витус Беринг», «Георг Стеллер», обладающие большой убедительной силой. Его работа «Витус Беринг» (1979 г.) получила высокую оценку и была закуплена Министерством культуры РСФСР для Новой Третьяковки. Для г. Петропавловска-Камчатского скульптором был создан проект и рабочая модель памятника Витусу Берингу.

И если А. Пироженко добился успеха в станковой скульптуре в жанре портрета, то в работах В. Крупиной в полную силу зазвучало жанровое начало. Особый интерес в этом плане представляет ее диорама «Лесновский берег» в этнографическом зале Корякского окружного краеведческого музея п. Палана. В основу этой многофигурной композиции положен богатейший натуральный материал, языком пластики показывающий занятия коряков – жителей пос. Лесная на 25-километровой косе между Кинкилем и Лесной в период заготовки уйка (мойвы). Работая над этой диорамой В. Крупина открыла для себя широкие возможности и оригинальные композиционные решения в скульптуре малых форм. Многие из ее лучших жанровых работ в малой пластике – «Пластающая нерпу», «Ожидание», «Охотники за нерпой» («Удачная охота»), а также станковая композиция «Чаевка» (групповой портрет бригады оленевода Кихляпа Эвкюме) обязаны своим рождением «Лесновскому берегу».

«Трудность воплощения замысла, – поясняет В. Крупина, – состояла еще и в том, что я создавала не просто фигуры людей, а конкретных жителей поселка. Поэтому сейчас диорама не просто работает, она живет».

Удивительная природа Камчатки давала мощный стимул для творчества Виктории Крупи-

ной и Александра Пироженко. Помимо скульптуры, они создали ряд живописных и графических произведений, наполненных глубоким философским смыслом: «Автопортрет с женой и нартой», «Портрет охотника А. Ташлыкова», «Одиночество» (портрет охотоведа А. Кузьменкова) – А. Пироженко, «Точка на карте», «Лесновские юкольники» – В. Крупиной.

Неоднократные поездки в Дом творчества для скульпторов имени Д. Кардовского в Переяславле-Залесском давали им дополнительный импульс для плодотворной работы, обмена опытом и общения в кругу коллег – скульпторов из разных регионов страны.

«Пирог» всегда и везде пользовались огромным авторитетом и уважением среди друзей, среди местного населения. Вокруг них всегда была какая-то особая атмосфера гармоничности бытия и много интересных людей.

Последние годы Александр Пироженко работал особенно много, буквально на износ, хотел успеть завершить свои многочисленные замыслы. Это был расцвет его творческих сил. «Конечно, не все успел...», – вспоминает Виктория Крупина. 2 февраля 1988 г. он последний раз перешагнул порог своей мастерской. В это время они с Викторией готовили персональную выставку в Палане, ее открытие 9 февраля уже было посвящено его памяти.

6 февраля «санный поезд» из «Буранов» повез его в последний путь. Он похоронен (как и завещал) на Анадырке, где была их «хатка».

Мастерская. Утренний свет струится, освещая центральную стену. На ней: эскизы, этюды и... портрет Александра Ивановича Пироженко. Мягкая полутьма рисует внутреннее пространство комнаты: хорошо сложенный камин, деревянный стол, большую скамью, несколько стульев. Здесь все просто, но атмосфера в ней полна высокого смысла. На полках книги, бюсты, слепки, маски, многочисленные рабочие эскизы – все полнится творческой мыслью, сохраняет следы его сильных рук... Вдоль стен в мешках – гипс. В центре – скульптурный станок и уже почти оконченная в мягком материале и готовая к формовке скульптура «Победитель».

Когда Виктория Викторовна осталась одна, ей было особенно трудно, но она выстояла, не испугалась трудностей, не покинула Камчатку, не уехала, и работает творчески, продолжая дело, которое они начали вместе.

Она завершила работу А. Пироженко «Победитель» (прообраз – Е. Коптев). Это сложный, противоречивый образ – война растоптала человека, сделала его калеккой, но он – все тот же Победитель! И когда звучит марш, ему хочется в строй... Показана послевоенная судьба человека, испытывавшего все тяготы войны, пожертвовавшего собой ради мира, ради победы. Образ раскрывается еще более многопланово, если его рассматривать с разных точек зрения: при осмотре сверху вниз – ощущается душевный надлом, одиночество, но при взгляде снизу вверх, слева-направо – вдруг замечаешь, как тело словно наливаются, крепнет, в движении его поднятой, чуть запрокинутой назад головы – гордый победный вызов судьбе. При внимательном рассмотрении скульптуры «Победитель», чувствуешь, как напряжение то уменьшается, то возрастает, словно пульсирует нерв.

Виктория Крупина много и плодотворно работает. Она создала серию замечательных портретов северян и деятелей искусства: «Георгий Поротов», «Юрий Алотов», «Илья Солодяков» (исполнитель родовых мелодий), «Бабушка Екатерина Николаевна Шмагина с внучкой», удивительный по красоте и пластике парный портрет народного артиста РФ Иосифа Жукова и народной артистки РФ Татьяны Романовой, философскую композицию «У погасшего костра».

Она выполнила проект памятника ездовой нартовой собачьей упряжки для г. Петропавловска-Камчатского, с верой, что памятник одному из основных древнейших видов транспорта на Камчатке – необходим.

А совсем недавно она закончила свою новую диораму «Летняя рыбалка» (2012–2013 гг.) для краеведческого музея п. Тигиль, где запечатлела традиционные занятия коренных жителей Камчатки.

Виктория Викторовна Крупина – заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почетный житель п. Палана Камчатского края.

Произведения, созданные Викторией Крупиной и Александром Пироженко, находятся в фондах Камчатского краевого объединенного музея, Камчатского краевого художественного музея, Корякского окружного краеведческого музея, Портретной галереи «Скрижали Камчатки». Закупались работы дирекцией художественных выставок Союза художников РСФСР, Министерством культуры РСФСР – они по праву являются гордостью камчатской и российской культуры.

Художники создали и открыли для зрителя простой и ясный, понятный из глубины, суровый и прекрасный мир человека Севера, утверждая его внутреннюю силу и духовную чистоту.

1. Алюхин С. На полотнах – наш круг // Корякский коммунист. 1966. 9 сент.
2. Материалы и записи А. Черкашиной интервью с В. Крупиной и А. Пироженко в период подготовки их персональных выставок 1987 г. и 2010 г. в г. Петропавловске-Камчатском.

Иллюстрации к статье на CD. Фото И. Вайнштейна, А. Дьякова, С. В. Кардашевского, А. Ключникова, В. Кравченко.

Г. Н. Чуян, В. Е. Быкасов **ЦУНАМИ 1737 ГОДА НА ОСТРОВЕ БЕРИНГА**

В науке часто важно не то, кто был первым, а то, кто оказался последним.

Э. Чаргафф

Поводом для появления данной работы послужили полевые наблюдения Г. Н. Чуян, которая во время своих многолетних исследований процессов осадкообразования в прибрежной зоне о. Беринга обратила внимание на отсутствие следов цунами на высотах около 60 м (24). Что вызвало у нее недоумение, ибо вплоть до начала XXI в. считалось, что Г. В. Стеллер обнаружил в глубине острова, на высотах более 30 сажен (> 63,9 м), множество скелетов морских животных и большое количество плавника, занесенных туда волной 1737 г. И недоумение тем более понятное, что на некоторых морских террасах, высотой 8–10 м, ей иногда встречались полустгнившие древесные стволы (рис. 1), которые, пусть бы и с некоторой долей условности, можно было воспринимать в качестве маркеров цунами 1737 г. Во всяком случае, увязывать их появление на таких высотах с обычными для острова 5–6-метровыми (максимум 8–9-метровыми) нагонными волнами довольно проблематично. Ибо если бы штормовые волны более или менее регулярно закидывали бревна на такую высоту, то после 1737 г. на берегах острова их численность измерялось бы многими десятками. Однако даже на морских террасах и береговых валах высотой около 5–6 м стволы деревьев встречаются лишь единично, а скелеты морских животных и вовсе отсутствуют.

Заинтересовавшись этим несоответствием, Г. Н. Чуян предприняла поиски дополнительных сведений о цунами 1737 г., в ходе которых обнаружилось, что впервые мнение об отсутствии на 30-саженной высоте следов цунами 1737 г. высказал член-корреспондент Императорской Академии наук К. Т. Хлебников.

И в самом деле, будучи с 1818 по 1832 г. правителем Новоархангельской конторы Русско-Американской компании на о. Ситха и, одновременно, помощником пяти сменившихся за это время Главных правителей Русской Америки, К. Т. Хлебников объездил по служебным делам почти весь этот огромный регион. Вот и в июле 1827 г. он посетил с инспекторской проверкой о. Беринга. И попутно отметил, что заброшенных на высоту 30 сажен (180 футов, как он пишет) стволов деревьев и скелетов морских животных после Г. Стеллера никто на острове не примечал (16, с. 149). Хотя, подчеркнем, о полном уничтожении деревьев, а тем более – костей, за столь короткий срок речи быть не может. Во всяком случае, полвека и более спустя на побережьях острова было обнаружено несколько полных или почти полных скелетов морской коровы, хранящихся ныне в некоторых музеях мира.

Не примечалось никем скелетов и бревен на 30-саженной высоте и позднее. В том числе геологами, проводившими в середине XX в. на о. Беринга детальные геолого-съёмочные работы (2), биологами, десятилетиями осуществлявшими наблюдения за жизнью каланов и морских котиков (13), а также местными жителями, исходившими весь остров вдоль и поперек.

Таким образом, с оценкой высоты цунами 1737 г. на о. Беринга сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, вплоть до самого начала XXI в., почти во всех публикациях на эту тему фигурировала одна и та же – более 30 сажен над ур. м. – цифра. А с другой, в истории изучения природы острова не было отмечено ни одного достоверного факта обнаружения следов цунами на таковой, или, хотя бы, на вдвое меньшей высоте. Вследствие чего и возникает необходимость прояснения причин возникновения этой противоречивой ситуации.

В достижении этих целей мы обратились к литературным источникам (2, 8, 13, 19, 20, 21, 27–31). Анализ которых показал, что все отечественные исследователи и краеведы, говорившие и писавшие на тему цунами 1737 г. на о. Беринга, в своих представлениях исходили из данных знаменитого «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (7). И что сам С. П. Крашенинников,